

Кирьяков Василий Васильевич

**Выбитые на хутора.
Землеустроители и народ**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В19

В19 **Василий Васильевич К.**
Выбитые на хутора. Землеустроители и народ / Кирьяков Василий Васильевич – М.: Книга по Требованию, 2026. – 189 с.

ISBN 978-5-519-89188-2

ISBN 978-5-519-89188-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Община или хутора?

Въ такой рѣзкой и грубой формѣ сформулировался у насъ вопросъ послѣ изданія закона 9 ноября 1906 г. о землеустройствѣ.

Рѣзкой постановкой вопроса мы были обязаны тогда во-первыхъ духу времени, а во-вторыхъ правительству, въ частности П. А. Столыпину. Какъ извѣстно, правительство усмотрѣло тогда въ общинѣ опасность для «существующаго строя», а П. А. Столыпинъ увидалъ въ раскидкѣ деревень на хутора одинъ изъ радикальныхъ способовъ «успокоенія» «Россіи» и прежде всего деревни.

Слѣдовательно, законъ 9-го ноября предназначенъ былъ служить прежде всего цѣлямъ политическимъ, а затѣмъ уже и цѣлямъ экономическимъ.

Многочисленные циркуляры и указы,—толстой скорлупой обложившіе новый «спасительный» законъ,—ставили точку надъ политическимъ і, а стремительные исполнители начальственныхъ велѣній, «на мѣстахъ», сдѣлали конечно еще большій нажимъ на этой петербургской точкѣ.

Въ результатѣ получилась земельная смута.

Политика, властно вмѣшавшаяся въ экономику, раздѣлила все русское общество, отъ верховъ до низовъ, на два враждебныхъ лагеря-хуторофиловъ и хуторофобовъ. Раздѣлила она на два враждебныхъ лагеря и

крестьянъ, запутавшихся въ сѣтяхъ земельныхъ отношеній.

Новый законъ о землеустройствѣ, 29-го мая текущего года, проведенный черезъ Государственный Совѣтъ и Государственную Думу и вошедшій въ силу 15-го октября, — а отчасти и изданный на основаніи этого закона наказъ Землеустроительнымъ Комиссіямъ отъ 19-го іюня 1911 года, — пытаются теперь урегулировать дѣло землеустройства и перенести центръ его тяжести съ политики на экономику. Циркуляръ Главнo-управляющаго Земледѣліемъ и Землеустройствомъ, обращенный къ гг. землеустроителямъ всѣхъ чиновъ и ранговъ, напоминаетъ имъ, что ихъ обязанность—способствовать землеустройству крестьянъ внѣ зависимости отъ формъ землевладѣнія, т. е. не относиться къ желающимъ и не желающимъ выдѣлиться на хутора, какъ къ сынкамъ и пасынкамъ правительства.

Видимо «успокоеніе» охватило теперь и правящіе круги. А когда успокаиваются и отрезвляются правящіе, тогда успокаиваются и управляемые.

До сихъ поръ почти нельзя было говорить о землеустройствѣ объективно. Даже въ независимой и безпристрастной печати нельзя было высказываться по этому вопросу безъ уклона въ ту или другую сторону.

Теперь, — «съ успокоеніемъ», — полагаю, можно говорить спокойно и объ общинѣ, и о хуторахъ, и о землеустройствѣ.

Извѣстно, что по вопросу о русской земельной общинѣ у насъ давно уже существуетъ два совершенно противоположныхъ мнѣнія. Одни утверждаютъ, что русская община, какъ исконная, самобытная форма крестьянскаго землевладѣнія, жизненна, устойчива, способна къ развитію и потому является первой ступенью для перехода къ коллективизму. Другіе, напротивъ, считаютъ общину разлагающимся организмомъ, отми-

рающимъ институтомъ, только задерживающимъ закономѣрную экономическую и политическую эволюцію страны въ сторону того же коллективизма.

Оба этихъ противоположныхъ мнѣнія составляютъ теперь теоретическое ядро разнообразнѣйшихъ аграрныхъ программъ, выдвигаемыхъ нашими молодыми политическими партіями — отъ крайнихъ лѣвыхъ до крайнихъ правыхъ.

Впрочемъ, по признаку этихъ двухъ противоположныхъ взглядовъ на общину, наша интеллигенція давно уже раздѣлилась на два лагеря, — на народниковъ и марксистовъ, — и еще съ начала восьмидесятыхъ годовъ начала ломать свои копья-перья за общину и противъ общины.

Во второй половинѣ 90-хъ и въ началѣ 900-хъ годовъ борьба названныхъ двухъ направленій перешла почти въ открытую вражду, особенно интенсивно проявившуюся среди русской политической эмиграціи за границей. Прорвалась она въ концѣ 90-хъ годовъ черезъ цензурныя дебри и въ нашу легальную прессу.

Землеустроительная политика правительства за тотъ же промежутокъ времени находилась также въ положеніи неустойчиваго равновѣсія, — то покровительствовала общинѣ, то брала ее подъ подозрѣніе.

Первое пятилѣтіе XX вѣка и особенно 1905 — 1906 гг., — ознаменовавшіеся сильными крестьянскими волненіями, интенсивной борьбой за «землю и волю», — дали возможность и интеллигенціи и правительству проявить свои теоретическіе и кабинетные взгляды на общину.

Правительство послѣ первой «аграрной» Государственной Думы рѣзко повернуло отъ общины на хутора. Этотъ новый курсъ въ правительственной аграрной политикѣ взять былъ такъ круто, что подъ знамя

защитниковъ общины собрались непримиримыя по политическому признаку общественныя группы.

Не говоря уже о марксистахъ социаль-демократахъ,—всегда отрицавшихъ общину, какъ пережитокъ крѣпостничества, задерживающій экономическую эволюцію историческаго процесса,—противниками насильственной ломки общины оказались даже самые крайніе правые элементы. Въ результатѣ, по признаку отношенія къ правительственной аграрной политикѣ, получились довольно оригинальныя группировки политическихъ дѣятелей. Такъ, на примѣръ, за общину стояло и «Русское Знамя» союза русскаго народа и «Знамя Труда» социалистовъ-революціонеровъ. Первое видѣло въ общинѣ — оплотъ консерватизма, второе — первую ступень къ социализаціи земли.

Предсказанія апостоловъ и пророковъ общины о томъ, что она выйдетъ побѣдительницей изъ единоборства съ «насильниками»,—не оправдались на дѣлѣ; напротивъ, цифры и факты говорили совершенно другое. Говорили часто не только о «вѣковой покорности крестьянъ волѣ начальства», но часто и о добровольномъ, иногда даже радостномъ отношеніи ихъ къ возможности раздѣлаться съ своимъ вѣковымъ общиннымъ укладомъ жизни.

Шумъ борьбы вокругъ цифръ и фактовъ землеустройства не прекратился еще и теперь; въ первые же два года послѣ изданія закона 9 го ноября борьба приняла чрезвычайно острый характеръ.

О безпристрастномъ, объективномъ отношеніи къ своему явленію жизни нечего было тогда и думать: съ цифрами и фактами землеустройства безбожно жонглировали.

Чтобы выйти изъ этой сумятицы землеустроительной общественной мысли, я рѣшился хотя бы частично

проѣрить опорочиваемые съ двухъ сторонъ цифры и факты своими личными наблюденіями.

Для своихъ наблюденій я выбралъ Псковскую губернію.

И вотъ по какимъ соображеніямъ.

Во-первыхъ, Псковская губернія—колыбель русской земельной общины. Здѣсь пролегаетъ историческій водный путь «изъ Варягъ въ Греки»; здѣсь заря русской истории застала уже осѣвшее племя славянъ-кривичей.

Во-вторыхъ, земельная община въ Псковской губерніи давно уже находилась въ омертвѣломъ состояніи. Санкціонированныя прежними земельными законами начала «мірскаго общинно-уравнительнаго землепользованія», здѣсь давно уже обратились въ пустое мѣсто.

Новыя статистическія изслѣдованія губерніи показали, что на 11585 общинъ Псковской губерніи, ни разу по крайней мѣрѣ съ 1861 года не передѣлявшихъ своихъ земель на наличныя души, приходится всего 1897 общинъ, или 14⁰/₁₀₀, въ которыхъ передѣлы практиковались.

Наконецъ, въ-третьихъ, на Псковской губерніи, какъ ближайшей къ Петербургу, все время сосредоточивалось вниманіе и правительства и представителей обоеихъ противоположныхъ взглядовъ на общину. Псковская губернія, такъ сказать, все время находилась подъ перекрестнымъ огнемъ и сторонниковъ и противниковъ хуторскаго разселенія деревень.

Изъ всѣхъ восьми уѣздовъ Псковской губерніи я рѣшилъ остановиться на Псковскомъ уѣздѣ. И потому на этомъ именно уѣздѣ, что здѣсь степень измѣненія общинныхъ формъ землевладѣнія, — такъ сказать, параличное состояніе общины, — было еще далеко до полного омертвѣнія, до конца, до смерти общины. Въ Псковскомъ уѣздѣ числится самый большой процентъ передѣлявшихъ землю общинъ, имено 55,1⁰/₁₀₀ (1149 изъ

2086 общинъ); тогда какъ о другихъ уѣздахъ статистика говорила мнѣ болѣе мертвыми цифрами—21,6%, 9,8%, 6,4%, 3,7%, 1,9%, 1,7% и 1,5%, — вотъ процентъ общинъ, передѣлявшихъ землю, въ остальныхъ семи уѣздахъ Псковской губерніи.

Такое положеніе неустойчиваго равновѣсія крестьянской общины въ Псковскомъ уѣздѣ и привлекло мое вниманіе, какъ наблюдателя.

Было, впрочемъ, и другое соображеніе—чисто личнопсихологическаго свойства.

Надо сознаться что,—замѣшанный на старыхъ дрожжахъ народничества, — я лелѣялъ на днѣ души своей тайную мысль найти здѣсь, въ Псковской губерніи, тотъ «общинный духъ, въ который я все еще не переставалъ вѣрить.

«Гдѣ же было,—думалъ я,— и сохраниться «общинному духу», какъ не здѣсь, не подъ столицей одного изъ древнихъ нашихъ сѣверныхъ народоправствъ, какъ не въ колыбели русской земельной общины?»

Нашелъ ли я здѣсь этотъ «общинный духъ»?

Охотно или неохотно, добровольно или принудительно «выбиваются», здѣсь крестьяне на хутора?

Какъ относится здѣшнее населеніе къ новому закону о землеустройствѣ?

Какъ ведутся здѣсь дѣла землеустройства — въ канцеляріяхъ и на «мѣстахъ»?

Какія «запутанныя дѣла» о землѣ создаются?

Какъ разрѣшаются эти «запутанныя дѣла» въ судахъ ¹⁾ и въ жизни?

Какіе новые деревенскіе типы порождаетъ землеустройство?

Какъ устраиваются крестьяне на хуторахъ?

¹⁾ Въ концѣ книги приложена особая глава: „Земельная свара въ судѣ“,—30-ть характерныхъ земельныхъ дѣлъ.

Какъ относится къ хуторской политикѣ мѣстное земство, и мѣстное интеллигентное общество?

На всѣ эти, — и другіе, болѣе мелкіе — вопросы я попытался отвѣтить въ своей книгѣ не цифрами и разсужденіями, а своими *личными* наблюденіями, отраженными въ формѣ бытовыхъ очерковъ полубеллетристическаго характера.

Часть этихъ очерковъ (I—XVIII) подъ заглавіемъ «Выбитые» была напечатана въ мѣстной газетѣ «Псковская Жизнь». Теперь, — исправленные, дополненные и собранные вмѣстѣ, — они предлагаются вниманію большаго круга читателей въ формѣ книги.

Лично о своихъ очеркахъ я могу сказать только слѣдующее.

При написаніи ихъ я не гонялся за «художественной правдой» и внѣшней красотой формы изложенія.

Мои очерки — не беллетристическая «художественная правда», а «правда жизни», воспроизведенная почти фотографически и фонографически вѣрно и точно видѣнной и слышанной мною дѣйствительности.

Мои очерки — почти «путевые очерки», и писанные часто въ пути, тамъ же «на мѣстахъ», въ деревнѣ.

Объективизмъ при изображеніи «правды жизни» доведенъ мной до того, что я *сознательно* удерживался отъ обобщенія даже тѣхъ явленій, которыя были несомнѣнно характерны для всей Псковской губерніи, а не для одной только наблюдаемой мною мѣстности.

Съ этихъ точекъ зрѣнія я и просилъ бы моихъ читателей и моихъ критиковъ расцѣнивать эту мою работу.

Въ заключеніе я долженъ принести мою глубокую благодарность слѣдующимъ лицамъ и учреждениямъ, давшимъ мнѣ возможность тѣмъ или другимъ способомъ прослѣдить зарождающуюся новую стадію историческаго процесса, — совершающагося въ глубокихъ

нѣдрахъ народной жизни и заново перерабатывающаго и экономику и психику народа, — учрежденіямъ и лицамъ, помогшимъ мнѣ заглянуть въ лабораторію народнаго творчества, подслушать первое бѣніе пульса новой жизни.

Первая благодарность моя по праву принадлежитъ Землемѣру Землеустроительныхъ Комиссій Псковской губерніи г. *Станиславу Іосифовичу Жолондзъ*, — автору проекта новой системы оцѣнки земли при разверсткѣ общинъ на хутора, — и Непремѣнному Члену Псковской Уѣздной Землеустроительной Комиссіи *Владимиру Петровичу Никитину*.

За симъ выражаю глубокую мою благодарность Псковской Губернской Земской Управѣ, въ лицѣ ея предсѣдателя Члена Государственной Думы *Сергія Ивановича Зубчанинова* и членовъ Управы *Сергія Гибовича Челищева* и *Александра Александровича фонъ-деръ Беллина*, а особенно Статистическому Отдѣленію Управы — въ лицѣ завѣдующаго этимъ отдѣленіемъ *Николая Михайловича Кислякова*.

Прошу также принять мою благодарность и всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя, имѣя то или другое отношеніе къ дѣламъ землеустройства въ Псковской губерніи, не отказывали мнѣ въ содѣйствіи своими совѣтами, указаніями, предоставленіемъ разнаго рода печатныхъ и рукописныхъ матеріаловъ и т. п. и тѣмъ способствовали моей оріентировкѣ въ довольно сложныхъ и новыхъ для меня условіяхъ мѣстной жизни.

Авторъ.

Въ теремкѣ.

Прозрачныя, ажурныя тѣни бѣлой петербургской ночи рѣдѣли, отступали за озеро, прятались въ прибрежныхъ кустахъ, уползали въглубь сосноваго лѣса...

А мы все спорили объ общинѣ.

Мягкія, расплывчатые, полудремотныя линіи вырисовывались отчетливѣе. Фантастическія очертанія предметовъ становились реальнѣе, тверже, грубѣе...

А мы все спорили объ общинѣ.

Въ успокоенномъ бѣлой ночью полусонномъ зеркалѣ озера опрокинутыя береговыя отраженія становились картиннѣе, красочнѣе... Оживали, серебрились чешуйчатой рябью и какъ будто шептались...

А мы все еще спорили объ общинѣ...

Горячія волнующія возраженія остывали. Потокъ мыслей замедлилъ свое теченіе и уже не вырывался каскадомъ словъ, не брызгалъ остроуміемъ, не блестѣлъ метафорами...

Мозгъ усталъ...

Лѣнливо приводились факты, цифры, ссылки на «труды», журнальныя статьи, газетныя сообщенія. Вяло подавались реплики...

Хотѣлось спать. Надо было расходиться.

Доводы за и противъ сидѣли въ головѣ необъединенные, необобщенные. Никто никого не убѣдилъ. Всякій остался при своемъ.

Было попрежнему смутно въ головѣ и тяжело на душѣ...

— И крестьяне — выбитые, и мы — выбитые, — грустно думалъ я. — И вся жизнь наша выбита изъ колеи... «Не поидеть нашъ поѣздъ, какъ идетъ нѣмецкій»... Не полетитъ птицей наша тройка — Русь, а какъ замученная коняга поплетется усталымъ шагомъ... Бьемся, выбиваемся изъ силъ, — и все въ томъ же заколдованномъ кругу вертимся...

Розовое золото разлилось за лѣсомъ. Весело вспыхнули верхушки сосенъ. Радостно улыбнулось озеро первымъ лучамъ солнца...

Мои друзья, усталые и полусонные, стали расходиться.

Я остался одинъ въ своемъ теремкѣ. Спать не хотѣлось. Возбужденный мозгъ продолжалъ работать. По инерціи текли мысли въ только что высохшемъ руслѣ споровъ объ общинѣ.

— Вотъ мы, интеллигенція, сидимъ здѣсь въ теремкѣ и споримъ, — думалъ я. — Споримъ о народѣ, о землѣ, объ общинѣ, о хуторахъ... Остримъ, надъ «выбитымъ» мужикомъ, надъ «успокоеніемъ»... Высказываемъ книжныя мысли, выпарапанныя на нашихъ мозгахъ, какъ на валикахъ фонографа... И какъ фонографы, какъ граммофоны поеторяемъ мы эти годами вѣдавшіяся въ насъ мысли... А жизнь уже далеко ушла впередъ... А тамъ — въ глубинѣ, въ сердцѣ Россіи — происходитъ ломка вѣковыхъ устоевъ народной жизни вѣками накопленнаго опыта, вѣкового міросозерцанія, вѣковыхъ традицій и привычекъ... Въ мукахъ родовъ корчитъ ся новая жизнь...

Я стоялъ на балконѣ, глядѣлъ на розовое озеро, — тихое и спокойное, — на вѣковыя сосны, — задумчивыя, но не грустныя, — на молодое чистое солнце, еще свѣжее и бодрое.

И мнѣ показалось все это символическимъ, находящимся въ какой то таинственной связи съ нашей живою жизнью.

Теремокъ — это мы, интеллигенція, близкая къ небу, къ идеѣ, къ идеалу, и далекая отъ земли, отъ природы, отъ живой жизни, отъ воплощенія своихъ идеаловъ въ жизнь.